

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного еврейского фонда „Турбота поколень – Хесед Дорот”
Издаётся с декабря 2000 года.

Шват/Адар I 5776 февраль 2016 №2 (170)

Пурим катан и местные Пуримы

Пурим – это самый весёлый еврейский праздник. Он установлен в память о событии, которое произошло в Персии в IV веке до н.э. Первый министр персидского царя Ахашвероша Аман, человек коварный и злобный, задумал уничтожить всех евреев, проживавших в Персии. Но в результате самоотверженных действий царицы Эстер и её дяди Мордехая – духовного лидера евреев Персии – евреи были спасены, а коварный Аман казнён. Так скорбь и плач обернулись для еврейского народа победой и радостью. Праздник Пурим отмечается 14 и 15 числа месяца Адар.

Еврейский календарь является лунно-солнечным, благодаря этому каждая календарная дата всегда приходится не только на один и тот же сезон года, но и на одну и ту же фазу луны. Месяцы начинаются только в новолуние. Простой год состоит из 12 лунных месяцев. Из-за того, что еврейский календарь основывается на лунном месяце, год, состоящий из 12 месяцев, отстаёт от астрономического солнечного года примерно на 11 дней. Для того, чтобы лунный год соответствовал солнечному, введён високосный год, состоящий из тринадцати месяцев. В девятнадцатилетний цикл входят 12 простых и 7 високосных лет. В високосном году прибавляется дополнительный месяц – ещё один Адар.

В високосном году праздник Пурим отмечается во втором Адаре, т.к., согласно еврейской традиции, тот год, когда Аман решил уничтожить еврейский народ, был високосным, и чудесное спасение наступило во втором Адаре.

В первом же Адаре високосного года 14 числа отмечается Пурим катан – так называемый местный Пурим. Его отмечают некоторые еврейские общины в память об их чудесном спасении, в тот день года, когда это произошло. Известно порядка ста таких событий. Вот некоторые из них.

В XI веке в Гранаде жил руководитель еврейской общины, визирь, главнокомандующий, близкий друг и помощник местного халифа Шмуэль а-нагид. Так как халиф Бадис почти не занимался государственными делами, Шмуэль а-нагид был фактическим правителем Гранады. Правители Севильи, главного соперника Гранады, проводили антиеврейскую политику. В 1039 году Шмуэль а-нагид начал войну против Севильи и одержал трудную победу. 24 августа 1039 года в Гранаде заговорщики совершили покушение на Шмуэля а-нагида, но он не пострадал. В память об этом чудесном спасении городские евреи установили „Гранадский Пурим”.

29 февраля 1236 года в Нарбоне произошёл еврейский погром из-за ссоры между евреем и христианином, в результате которой христианин был убит. Погибших, к счастью, не было, но имущество евреев было разграблено. В ознаменовании того, что всё закончилось относительно благополучно, еврейская городская община установила „Нарбонский Пурим”.

Один из наиболее известных местных Пуримов был в испанском городе Сарагоса в 1420 году. В городе проводились парады в честь короля, на которых евреи должны были нести ковчеги со свитками Торы. На самом деле свитки вынимались, о чём и донёс один из вероотступников королю. Король отдал приказ на ближайшем параде проверить это. Однако в ночь перед парадом пророк Элиягу явился во сне служителям двенадцати синагог и посоветовал не вынимать свитки из ковчегов. Во время парада ковчеги были проверены, и Торы оказались на месте. Доносчик был повешен. В память об этом событии установили ежегодный „Сарагосский Пурим”, который праздновался 17–18 Швата.

Турецкий правитель Каира грозился перерезать всех евреев, если они не внесут крупный выкуп. 3 марта 1524 года он был убит солдатами. Этот день отмечался ежегодно еврейской общиной Каира как „Египетский Пурим”.

В субботу 14 ноября 1541 года (4 Хешвана) флот испанского короля Карла V пытался захватить крепость Алжир. Евреям это грозило гибелью или крещением. Они постились, и стон их молитв доносился из окон синагог. Вдруг разразилась буря, и испанский флот погиб. Произошло это в субботу. С тех пор 4 Хешвана отмечался „Алжирский Пурим”.

В начале XVII века отношения между евреями и христианами во Франкфурте-на-Майне резко ухудшились. Городской патрициат покровительствовал евреям, уровень жизни которых повышался, несмотря на общую стагнацию экономики города. Не представленные в муниципалитете цеха, которые возглавляли христиане, видели в евреях опасных конкурентов. Пряничник Винцент Фетмильх, который называл себя „новым Аманом”, являлся лидером ремесленников-христиан. Он потребовал от городского патрициата изгнать евреев из города якобы за то, что они подкупили муниципалитет. Это, по утверждению Фетмильха, привело к тому, что евреи таким образом получили возможность безнаказанно нарушать ограничительные законы и наживаться за счёт христиан. Когда патрициат отверг это требование, начались нападения как на евреев, так и на членов муниципального совета. 4 мая 1614 года группа ремесленников-христиан Франкфурта-на-Майне пыталась ворваться в местное еврейское гетто, но была отброшена. 22 августа 1614 года большая толпа погромщиков под предводительством Винцента Фетмильха вновь атаковала еврейский квартал. Его обитатели, которые защищались с оружием в руках, вынуждены были искать убежища в домах христиан и на кладбище. Погромщики разграбили имущество евреев и сожгли то, что не смогли унести. 24 августа 1614 года Винцент Фетмильх, который фактически захватил власть в городе, приказал изгнать из города евреев. Еврейские женщины и дети уже были ранее заблаговременно вывезены в безопасные места. 1380 человек, в основном мужчины, покинули Франкфурт-на-Майне. Все изгнанники обосновались в окрестных городках и деревнях. Примерно через полтора года, 10 марта 1616 года, евреи в сопровождении отряда правительственных войск под звуки труб и барабанов торжественно вступили во Франкфурт-на-Майне. По указу императора Маттиаса лидер ремесленников Винцент Фетмильх был четвертован, а части его тела были выставлены напоказ в разных частях города. Его дом был снесён. А на его месте установили позорный столб со стихотворением на немецком и латинском языках, которое описывало казнь Фетмильха. Император Маттиас взял под своё покровительство франкфуртских евреев и навсегда запретил муниципалитету изгонять тех из них, кто прожил во Франкфурте-на-Майне более трёх лет. Он также вменил городским властям в обязанность обеспечивать безопасность еврейской общины. Император приказал выплатить евреям в качестве компенсации 175 тысяч золотых за счёт городского бюджета. В память о событиях 1614–16 годов евреи города учредили ежегодный „Франкфуртский Пурим”.

10 августа 1684 года в городе Падуе на северо-востоке Италии распространились слухи о том, что евреи помогали туркам во время осады Буды. Толпа напала на еврейское гетто, но армия и часть горожан остановили погром. Для того чтобы прекратить бесчинства, власти ввели смертную казнь для погромщиков. В память о своём спасении евреи Падуи ежегодно отмечали „день благодарения”, так называемый „Пурим ди Буда”.

29 декабря 1690 года Анкона, морской порт Италии, был разрушен землетрясением. Еврейская община города чудесным образом избежала гибели. В память об избавлении в этот день празднуется Пурим Анкона.

25 августа 1743 года Сулейман-Паша после 83 дней осады отвёл свои войска от осаждаемой им почти три месяца Твери. Через три дня он умер. С тех пор в дни 4-7 Элула евреи Твери празднуют местный Пурим.

Традиции местных Пуримов устанавливались раввинами общин, в которых происходили эти события. В 2016 году Пурим катан выпадает на 23 февраля.

Колонка директора

Уважаемые клиенты программы „Банковская карта”!

После того, как мы опубликовали в предыдущем номере нашей газеты критерии оказания материальной помощи в первом квартале 2016 года, спонсоры внесли в них некоторые изменения. Изменения коснулись только оказания помощи клиентам, относящимся к категории „нежертвы нацизма”, но мы приводим для вас все критерии.

Критерии оказания помощи по программам „Питание” и „Лекарства” для „Жертв нацизма” на февраль-март 2016 года

Доход	Программа „Питание”		Программа „Лекарства”, грн/квартал
	Одинокий, одинокопроживающий, грн/месяц	Одинокaя семья, одинокопроживающая семья, живущий в семье, грн/месяц	
0-1400 грн/мес	1250	1000	Все категории
1401-2200 грн/мес	900	720	
2201-3000 грн/мес	375	300	

Критерии оказания помощи по программам „Питание” и „Лекарства” для „Нежертв нацизма” на февраль-март 2016 года

Доход	Программа „Питание”		Программа „Лекарства”, грн/квартал
	Одинокий, одинокопроживающий, грн/месяц	Одинокaя семья, одинокопроживающая семья, живущий в семье, грн/месяц	
0-1000 грн/мес	500	400	Все категории
1001-1400 грн/мес	350	270	

Критерии оказания помощи по программам „Питание” и „Лекарства” для „Рождённых в эвакуации” на февраль-март 2016 года

Доход	Программа „Питание”		Программа „Лекарства”, грн/квартал
	Одинокий, одинокопроживающий, грн/месяц	Одинокaя семья, одинокопроживающая семья, живущий в семье, грн/месяц	
0-1200 грн/мес	750	600	Все категории
1201-2200 грн/мес	500	400	
2201-3000 грн/мес	250	200	

А вы знаете, что...

Одним из прообразов Джеймса Бонда в романах Яна Флеминга был Сидней Рейли – британский разведчик, действовавший в 1910-1920 годах в России и на Ближнем Востоке. Помимо русского, свободно говорил ещё на шести языках. В картотеке британской разведки обозначен как S.T.-1.

Рейли не был британцем. Его биография полна белых пятен и во многом основана на его личных утверждениях. По общепринятой версии Рейли был рождён под именем Георгия Розенблюма в Одессе 24 марта 1874 г. Есть и другая версия (по книге „Век шпионажа”), что Рейли родился 24 марта 1873 г. под именем Шломо (Соломон) Розенблюм в Херсонской губернии (в состав которой входила, в частности, и Одесса). Он был незаконным сыном Полины (Перлы) и доктора Михаила Абрамовича Розенблюма. Позднее он сам утверждал, что родился в Ирландии, а если признавал своё рождение в России, то часто утверждал, что сын дворянина. Воспитывался он в семье Григория (Герша) Розенблюма – двоюродного брата настоящего отца и домовладелицы Софьи Рубиновны Розенблюм (впоследствии, в 1918 г., сдавшей свой одесский особняк под британское консульство).

Когда Рейли рассказывал о том, что инсценировал своё самоубийство в Одесском порту перед отъездом, то поводом могло послужить какое-то реальное событие. Причиной отъезда он часто называл то семейный скандал, то участие в революционном движении.

Рейли писал, что в 1892 г. он арестовывался царской охранкой за участие в революционной студенческой группе „Друзья просвещения”. После освобождения приёмный отец сообщил Соломону, что его мать умерла, а его биологический отец – врач Михаил Розенблюм.

(Окончание на стр.2.)

(Окончание. Начало на стр.1)

Взяв себе имя Сигизмунд, Рейли отбыл в Южную Америку на британском корабле. По теории Б. Локхарта в Бразилии Рейли взял себе имя Педро. Он работал в доках, на строительстве дорог, на плантациях, а в 1895 г. устроился поваром в экспедицию британской разведки. Он спас во время экспедиции агента Чарльза Фотергилла, который позже помог ему получить британский паспорт и приехать в Великобританию, где Зигмунд Розенблум стал Сиднеем. Розенблум изучал в Австрии химию и медицину, в 1897 г. в Англии завербовался в разведку Великобритании под фамилией своей жены – ирландки Маргарет Рейли-Каллаган.

Написавший основательную книгу о Рейли Андрей Кук выдвинул убедительную теорию, что в Лондоне под именем Сигизмунд Розенблум появился приблизительно в 1895 г. химик, торгующий патентованными лекарствами. Одним из его клиентов был пожилой священник Томас Хью. Когда зажиточный Томас умер, Розенблум через несколько месяцев сошёлся с его молодой вдовой Маргарет. Розенблум отравил пастора, чтобы заполучить вдову и наследство. Если это так, то это идеальное преступление, которое никогда не расследовали. По этой теории Розенблум, возможно, бежал в Англию от французской полиции, поскольку убил курьера анархистов, перевозящего деньги. Убийство произошло в движущемся поезде, совершенно в стиле Джеймса Бонда. Какие-то связи с революционерами континента у Розенблума были, поскольку руководитель антитеррористического отряда Скотланд Ярда Вильям Мелвилл вскоре завербовал Розенблума информатором и помог тому превратиться в британца Рейли.

На деньги жены и, очевидно, британской разведки из Рейли получился международный бизнесмен с обширными географическими и запутанными финансовыми делами. Позднее он говорил о секретных заданиях, о которых мало свидетельств. В 1897-1898 г. работал в английском посольстве в Санкт-Петербурге. В 1898 г. лейтенант Рейли действовал в заграничной организации российских революционеров «Общество друзей свободной России», с 1903 г. был в русском Порт-Артуре под видом торговца строительным лесом, там вошёл в доверие командования русских войск и добыл план укреплений, который якобы продал японцам. Подозрение в шпионаже в пользу Японии не мешало Рейли основать в Санкт-Петербурге. Здесь он взял себе новую жену – Надежду, не расторгая брака с Маргарет. В 1905-1914 гг., до Первой мировой войны, действовал в России (с сентября 1905 по апрель 1914 – помощник военно-морского атташе Великобритании), затем в Европе. В справочнике «Весь Петербург» значился как «антиквар, коллекционер». Увлекался авиацией, был членом Санкт-Петербургского летного клуба.

Рейли установил связи с царским правительством. Когда началась Первая мировая война, он отправился в Нью-Йорк, чтобы переправить в Россию оружие из Америки. Посредничество было выгодным. Впервые официально Рейли поступил на службу в британскую разведку в конце 1917 г. Он стал лётчиком канадских ВВС и переправился через Лондон в Россию. Это доказывает, что его рассказы о шпионаже имеют какую-то основу, – вряд ли кого попало отправят на такое задание. Большевики захватили власть в России и стремились к миру с Германией, что было угрозой для Британии, – это надо было предотвратить.

В начале 1918 г. был в составе союзной миссии направлен на Кольский полуостров и Архангельск. В феврале 1918 появился в Одессе в составе союзнической миссии английского полковника Бойля и занялся организацией английской агентурной сети с внедрением в круги красных комиссаров (есть признаки, что там он сошёлся с Я. Блюмкиным).

В начале марта 1918 прибыл в Петроград и прикомандирован к военно-морскому атташе капитану Кроми, затем к главе английской миссии Брюсу Локкарту – дипломату и разведчику. Рейли и его непосредственный начальник в России Роберт Брюс Локкарт, составили план, по которому личная охрана Ленина, несшая охрану Кремля (латышские стрелки), будут подкуплены для совершения переворота. Они верили, что подкупили командира латышских стрелков

Еврейский закон предписывает еврею напиться в праздник Пурим до такой кондиции, чтобы не отличать фразу: «проклят Аман» от: «благословен Мордехай». Как показывает двадцатичетырёхвековая практика, задача эта нам вполне по силам.

Может показаться, что мы таким образом пробуем избавиться от какого-то панического страха перед врагом-Аманом. Ведь мы пытаемся его «запугать» трещотками и топотом во время чтения «Свитка Эстер», грызём его уши в виде пирожков-гомоташей. И даже имя Амана стараемся размыть в своём сознании, мутя его (сознание) хмельным забвением.

В объяснении обычая подавать на пуримский стол креплях (треугольные пельмени) упоминается, что это практикуется вообще-то три раза в году – в дни, когда «бьют»: накануне Йом-Кипура (когда принято отшвыривать друг другу символические «удары» кожаным ремнём), в день Гошана-

Эдуарда Берзина, которому передали 700 тыс. руб. (по данным коменданта Кремля П. Малькова, для сравнения: зарплата Ленина была 500 руб. в месяц). Берзин был верным большевиком и рассказал всё Свердлову и Дзержинскому. Наивные британцы втянули в дело американцев и японцев. «Перевербованному» Берзину были сообщены явки и адреса известных белогвардейцев. Когда в августе 1918 г. произошло покушение на Ленина, заговор западных дипломатов рухнул. Волна красного террора уничтожила их сеть. Белогвардейцев расстреляли, а полученные деньги пошли на постройку клуба для латышских стрелков и издание агитационной литературы. Рейли удалось бежать, но он был заочно приговорён к смертной казни.

В мае 1918 г. совершил вояж на белый Дон, к Каледину, и под видом сербского офицера через всю Россию вывез в Мурманск и посадил на английский эсминец Александра Керенского. Затем в Москве и Петрограде принялся организовывать заговоры против большевиков. В июне 1918 г. передал 5 млн. рублей для финансирования Национального и Тактического центров. Координировал мятеж левых эсеров 6 июля 1918 г. в Москве.

В Москве Рейли легко и свободно вербовал советских служащих (в том числе и секретаршу ЦИКа Ольгу Стрижевскую) и получал от них нужные ему документы, в том числе свободный пропуск в Кремль по подлинному удостоверению сотрудника ЧК на имя Сиднея Релинского. Также выступал под собственным именем, под именами сотрудника УгРо Константинова, турецкоподданного негодянта Массино, антиквара Георгия Бергмана.

Многие дела Рейли проваливались: попытка убить Ленина не удалась из-за отмены митинга, где тот хотел выступить, восстание левых эсеров провалилось, задание Локхарта организовать мятеж в петроградском гарнизоне тоже провалилось.

Удалось убийством эсером Яковым Блюмкиным немецкого посла Мирбаха и покушение на Ленина 30 августа 1918 года, которое чекисты объясняли «заговором послов». На заочном суде в ноябре 1918 в Москве Рейли был приговорён к расстрелу и объявлен вне закона.

После разоблачения заговора Локхарта и убийства Кроми Рейли сбежал через Петроград-Кронштадт-Ревель в Англию, где стал консультантом Уинстона Черчилля по русским вопросам и возглавил организацию борьбы с Советской властью.

В начале декабря 1918 г. Рейли опять в России, в белом Екатеринодаре (ныне – Краснодар), офицер связи союзной миссии в ставке главнокомандующего Деникина. В начале 1919 года посещает Крым и Кавказ, с 13 февраля по 3 апреля 1919 находится в Одессе в качестве эмигранта.

В своей родной Одессе анонимно публикует в белогвардейской газете «Призыв» № 3 от 3 марта первую автобиографию с описанием заслуг в борьбе против большевизма. Через ту же газету (№ 8 от 20 марта) сдаёт белой контрразведке трёх чекистов, с которыми встречался в Советской России: Грохотова из Мурманска, Петикова из Архангельска и Жоржа де Лафара из Москвы.

3 апреля 1919 г. эвакуируется вместе с французами из Одессы в Константинополь, где недолго работает в британском комиссариате. В мае 1919 г. прибывает с докладом правительству в Лондон, участвует в работе Парижской мирной конференции.

Вследствие военных авантур финансовые дела Рейли пришли в упадок. В 1921 г. он вынужден продать на нью-йоркском аукционе большую коллекцию вещей Наполеона. Он получает около 100 тыс. долларов, но этих денег из-за его стили жизни на долго не хватит. Рейли входит в тесные отношения с представителями русской эмиграции. Лоббирует в английском правительстве финансирование белоэмигрантского Торгово-промышленного комитета. Тесно сошёлся с Борисом Савинковым и с его помощью осенью 1920 г. лично участвовал в действиях на территории Белоруссии армии Булак-Балаховича, которая вскоре была разгромлена РККА. В 1922 г. с помощью Савинкова и Ю. Эльфергена организовал на деньги Торгпрома покушение на глав советской делегации Генуэзской конференции, кото-

Путиё и сознание

Раба (последний день праздника Суккот, когда бьют об пол ивовыми ветками) и в Пурим, когда «бьют» Амана. Мистический смысл этих побывательных ритуалов – смягчение Гвурот (аспектов Высшей Строгости), в то время как вершится Высший Суд. Креплях же, в которых тесто обволакивает мясную начинку, символизируют преобладание милосердия (хэсэд) над строгостью (гвура).

Так вот, говоря о Суде... Пурим-то, называется, это тоже День Искупления! Да ещё – без какого-либо преувеличения – почище Йом-Кипура. Пурим получил своё название от жребия (по-персидски «пур»), который бросал злодей Аман, планируя уничтожить еврейский народ. А во время храмовых служб Йом-Кипура тоже бросался жребий – в ознаменование того, что

прощение грехов приходит с уровня, превосходящего Высший Разум (ведь на уровне разума возможен строгий анализ наших деяний, отнюдь не гарантирующий прощение). Но духовный корень дня праздника Пурим ещё более высок – в нём, как в опьянённом сознании, всё едино: Свет и Тьма, Добро и Зло, Аман и Мордехай! На этом уровне не только идея о том, что «естественный порядок вещей» тоже является чудом, которое Вс-вышний творит ежесекундно, становится совершенно ясной и очевидной, но раскрывается нечто гораздо большее. Сущность Пурима показывает, что всё – в Нём, и что Он – во всём, и что всё, абсолютно всё – от Него: свет и его сокрытие, счастье и горечь, добро и... и то, что мы пока не осознаём как добро.

А вы знаете, что...

рое тоже провалилось. Был причастен к организации антисоветской провокации с «письмом Зиновьева».

В августе 1925 экстравагантная актриса Пепита Бобадилла прибыла в Хельсинки в поисках сведений о своём муже Сиднее Рейли, пропавшем за границей. Она рассказала, что её настоящее имя Нелли Вартон, её мать англичанка, она родилась в Гамбурге вне брака, и сделала карьеру в Лондонском театре-варьете.

Остаётся неизвестным, знал ли Рейли об этих подробностях. В лице Пепиты он нашёл себе достойную пару. Как и в случае с Рейли, она сошлась с пожилым богатым сценаристом, который вскоре умер. Брак с Рейли был заключён в 1923. Финские чиновники и русские эмигранты ничем не могли помочь, и дама возвратилась в Лондон, где стало известно о смерти Рейли в перестрелке в районе советско-финской границы. Советские газеты официально сообщили, что в районе финской деревни Алаколя 28 сентября 1925 г. при переходе границы были убиты два контрабандиста. Настоящая судьба Рейли вырисовывалась не сразу. Окончательно детали стали известны лишь с крахом СССР – были опубликованы дневники Рейли, которые он вёл в тюрьме.

Операция «Трест» была крупнейшей для спецслужб в начале XX в. Большевики сами основали «контрреволюционную» организацию, куда завлекали белогвардейцев из России и эмиграции. Так сопротивление было под полным контролем и могло быть уничтожено в удобный момент.

Начальник британской разведки в Хельсинки Эрнест Бойс попросил Рейли о ещё одной услуге – выяснить, что из себя представляла эта подозрительная организация на самом деле. На границе Рейли должен был встретить «верного человека» – Тойво Вякя.

Чтобы заполучить от Рейли всё, что он знал, ГПУ инсценировала смерть обоих на границе так, чтобы информация наверняка дошла до британских служб. Так Рейли не мог уже надеяться на дипломатическую помощь как британский подданный. На допросах на Лубянке Рейли придерживался легенды, что он – рождённый в Клонмели в Ирландии британский подданный, и отказывался сообщать что-либо. Несмотря на ежедневные допросы, в тюрьме он вёл дневник, в котором анализировал и документировал используемые в ГПУ методы допроса. Очевидно, Рейли полагал, что в случае побега эта информация могла быть ценной для британской секретной службы. Записи делались на папиросной бумаге и прятались в щели между кирпичей. Они были обнаружены лишь после его смерти в результате обыска. По мнению Андрея Кука, Рейли не пытались, за исключением инсценированной для психологического давления казни.

Дневник Рейли был сфотографирован ГПУ, и о его существовании не было известно до развала СССР. Опубликован в Англии в 2000 году. Дневник не подтверждает данные допросов, что может свидетельствовать как о фальсификации допросов, так и об «игре» Рейли со следователями.

Приговор от 1918 года был исполнен по личному приказу Сталина 5 ноября 1925 г. В лесу в Сокольниках, куда Рейли ранее регулярно выводили на прогулку. По свидетельству очевидца Бориса Гудзя, казнь осуществили Григорий Федулеев и Григорий Сыроежкин. Тело отвезли обратно в тюрьму Лубянка для осмотра и фотографирования, похоронили во дворе тюрьмы. После казни ходили слухи, что он жив и перевербован ГПУ.

По материалам Интернета.

Национальный алейфбет

Трезвый человек произнести вслух эту истину имеет право, только если он искренне верит и глубочайшим образом осознаёт её.

Если же не видеть явно, что Зло мнимо, и что оно на самом деле есть лишь скрытое Добро, то говорить, что оно тоже от Него, будет... политически некорректно.

Чтобы сказать с полным чувством, что горе – не беда, нужно либо это понять, либо... напиться. По-пуримски! И пронести потом через весь год, как будто слегка во хмелю, способность благодарить Вс-вышнего за всё, абсолютно за всё.

В общем, Добро и Зло – понятия сложные, без пол-литра не разберёшься... Так что: «Лехаим!»

р-н Эли КОГАН.

Юдофил Мусоргский

Имя великого русского композитора известно каждому культурному человеку. Многие знакомы (больше или меньше) с его произведениями. Однажды израильский учёный Савелий Дудаков поставил перед собой необычный вопрос: что мы знаем о любви Мусоргского к евреям и еврейству, о его жгучем интересе к этому народу, о его проникновении в еврейскую музыкальную стихию? Ответ был таков: „Совсем немного”. Тем интереснее то, что ему удалось отыскать (С. Дудаков. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России, с. 409-415). В свою очередь, я не ограничился его текстом, привлёк и другие источники.

Итак, отпрыск старинного дворянского рода, уроженец Псковской губернии, Модест Петрович Мусоргский не стал кивался с евреями лично – пока не стал офицером Преображенского полка. Во время полковых манёвров на летних учениях ему довелось побывать в еврейских местечках, где он наблюдал зажигательные пляски хасидов. В январе 1867 г. он так передаёт свои впечатления в письме композитору М. Балакиреву: „Евреи аж прыгают от воодушевления перед... песнями своего собственного народа, которые переходят от поколения к поколению. Глаза евреев при этом загораются благородным, идеалистическим огоньком, и мне не раз пришлось быть свидетелем таких сцен. Евреи понимают больше чем мы, славяне, т.е. русские и чехи, и ценят и лелеют национальные народные песни и именно простые евреи, наши белостокские, лужские и невеликие евреи, которые живут в грязных и бедных домках своих”.

Что тут особенно примечательно? Во-первых, широта его „обзора”: он имел представление об облике и нравах еврейского населения разных земель. Во-вторых, его настрой, нетипичный для той эпохи: у Мусоргского ни тени насмешки или предвзятости к гонимому народу – напротив, теплота, даже с примесью восторженности.

Надо иметь в виду, что жизнь его совершенно переменялась после отмены крепостного права. Обедневший гвардейский прапорщик порвал с прежней средой, стал убеждённым „шестидесятником”. Взяв за пример героев романа Н.Г. Чернышевского „Что делать?”, он поселился в Санкт-Петербурге в „коммуне” из шести молодых людей.

Складываются важные для него связи и отношения, питающие в нём дух славянофильства, народничества – и вместе с тем, у него возникают контакты с еврейской средой.

Человеком, сильно повлиявшим на его творческую судьбу, был крупнейший русский критик Вл. Стасов. Тот самый, кто являлся и автором многих статей о еврейском искусстве, и членом жюри по постройке новой большой синагоги в столице. Благодаря ему Мусоргский мог посещать еврейские праздники в Санкт-Петербурге.

Он мог там бывать и как друг скульптора Марка (Мордухая) Антокольского. Но особенно близкая, задушевная дружба связывала Модеста Петровича с талантливым архитектором и художником, крещённым евреем Виктором Гартманом. Ранняя смерть Гартмана (1873) потрясла композитора; его откликом на трагическое событие стали „Картинки с выставки” – известное во всём мире музыкальное

произведение (где одна из сценок названа „Два еврея: богатый и бедный”).

Гений Мусоргского нашёл наиболее полное выражение в его всемирно знаменитых операх „Борис Годунов” и „Хованщина”, посвящённых переломным событиям в истории русского народа. Но вместе с тем, как личность, и как композитор, он испытывал постоянную тягу к еврейству. Тому есть немало подтверждений.

Ещё в 1863 г. он написал произведение „Царь Саул” (иначе: „Еврейская мелодия для голоса и фортепиано”); был использован в переводе текст Байрона: „О, вожди, если выйдет на долю мою...” Через несколько лет, в 1867 г. им были написаны два сочинения на еврейскую тему. Это хор с оркестром „Поражение Сеннахериба”, вновь на слова Байрона: „Как стая волков голодных на нас враги набежали...”. (Речь идёт о неудавшейся осаде Иерусалима в конце 8 века до н. э. ассирийским царем Сеннахерибом – ред.). А также, на стихи поэта Льва Мея, переложение „Песни Песней” царя Соломона. Он ещё раз обратился к странице еврейской истории в своей кантате „Иисус Навин” („Стой, Солнце!”) – одном из красивейших сочинений в русском хоральном искусстве.

Осенью 1874 г. Модест Петрович проживал в бедном районе Петербурга, примыкавшем к Сенному рынку (места Достоевского). В этом же районе жило и небольшое еврейское население, имеющее право жительства: отставные николаевские солдаты, ремесленники... Одним из соседей композитора был бедный еврей-портной, в доме которого была молельня. Однажды во время праздника Суккот через открытое окно Мусоргский услышал канторское пение, которое „совершенно очаровало его”. Тогда и возник замысел кантаты. В воспоминаниях дочери Вл. Стасова говорится, что в основу хора „Иисус Навин” были положены мелодии, записанные композитором с голосов Марка Антокольского и соседа, еврея-портного, распевавшего во дворе. В одном из своих писем 1877 г. Мусоргский рассказывает, как советовался с баронессой Анной Гинзбург (женой банкира и филантропа Г. Гинзбурга) – можно ли считать полюбившиеся ему мелодии близкими к „аутентичным”, т.е. древнееврейским? Средняя часть произведения („Плачут жёны Ханаана”) была им полностью написана заново.

Современники вспоминали, что он неоднократно возвращался к истории создания „Иисуса Навина” и говорил об этом с гордостью и воодушевлением. Сочинение было посвящено Надежде Римской-Корсаковой (урождённой Пургольд, еврейке). Слова к кантате написал сам Модест Петрович. Через 30 лет они переведены были на иврит и идиш и изданы с нотами для еврейских почитателей гения.

...В своей короткой жизни он испытал так много несправедливости, что даже теперь об этом нелегко думать и писать. Вот слова из некролога музыкального критика М. Иванова: „Он всегда жил богомемой и в последние два-три года отшатнулся чуть не ото всех и вёл совсем скитальческую жизнь... Друзья передали его на попечение доктора Бертенсона...”.

Недавно мне довелось посмотреть российский докумен-

тальный фильм о Мусоргском (по-моему, весьма невнятный). Там, в частности, сообщается, что в феврале 1881 г. его поместили в Николаевский военный госпиталь „как денщика одного из офицеров”. Что сие значило? Есть достоверные сведения, что Мусоргский страдал тяжёлой формой алкоголизма. У него не было заработка, постоянного места жительства, средств на питание, лечение – словом, не было ничего. В таком положении он перенёс инсульт и был разбит параличом.

Друзья – Вл. Стасов, Н. Римский-Корсаков, А. Бородин – увидели выход в том, чтобы устроить его в какую-нибудь больницу. Они обратились за помощью к хорошо знакомому врачу. Доктор Лев Бернгардович Бертенсон, еврей, принявший лютеранство, имел обширную практику среди интеллигенции. Прекрасный диагност, он ещё не был так знаменит, как впоследствии, когда лечил Л.Н. Толстого (и даже получил звание лейб-медика). Пока же он занимал скромную должность ординатора Николаевского госпиталя для офицеров и нижних чинов. Туда и попытался положить беспомощного пациента. Главврач госпиталя отказал в просьбе, так как больной не имел ни малейшего отношения к военному ведомству. Но в ходе переговоров придумали остроумный выход: допустить его в лечебное учреждение на правах „вольнонаёмного денщика ординатора Бертенсона”. Такую запись и učinили в журнале.

Авторам фильма (и не только им), видимо, неудобно было рассказывать эти подробности. И в большинстве публикаций о нём вообще обходится вопрос о его симпатиях к еврейскому народу. По свидетельству же упомянутого М. Иванова (написавшего некролог), врач „заботился о своём пациенте самым тщательным образом. Мусоргский лежал в отдельной палате, г-н Бертенсон приходил к нему для обхода ежедневно два раза”. В состоянии больного наступило некоторое улучшение. Тогда и навещал его художник И. Репин, чтобы писать прославленный портрет Мусоргского. Что произошло потом объясняют по-разному. То ли больной сам приблизил свою кончину, „нарушив режим” (выпил бутылку коньяка). Может, просто настал предел. В марте 1881 его не стало.

Похоронили композитора в Александро-Невской лавре. Видные деятели русской культуры объединили усилия, чтобы было создано достойное надгробие. По совету Вл. Стасова решили сделать нотное изображение четырёх наиболее значительных музыкальных тем. На решётке памятника были выкованы из железа ноты. Вторая и третья темы взяты из „Бориса Годунова”, а первая – из хора „Иисус Навин”: „Веленьем Иеговы сокрушить Израиль должен аммореев нечестивых...” (Цит. по С. Дудаков, с. 415).

Борис КЛЕЙН.

„Купите папиросы”

Эту популярную во всем мире еврейскую песню считают народной, настолько прочно она вошла в нашу жизнь.

Песня сложена в 1920-е годы на мотив, бытовавший в еврейской среде Восточной Европы ещё в XIX веке. Автор этой мелодии не установлен. На этот же мотив пелись написанные вскоре после Первой мировой войны поэтом Нохемом Штернхеймом популярные песни на идиш „Дос рэдл” и „Ой, Гот, дрэй ибэр дос рэдл”.

Автор текста „Папирос” (по крайней мере, текста на идиш) – актёр из Гродно Герман Яблоков (1903-1981), в 1924 эмигрировавший в США. Эта песня прозвучала в спектакле в начале 30-х годов прошлого столетия в Америке, где Яблоков дебютировал в качестве режиссёра еврейской труппы.

Как вспоминал сам Яблоков, сюжет этой песни ему подсказал его земляк из Гродно (Белоруссия), которого он встретил в Нью-Йорке. Тот поведал, что во время Первой мировой войны, когда немецкие войска оккупировали Гродно, он, пятнадцатилетним мальчишкой, испытывая нужду, голод, оставшись вдвоём со своей маленькой сестричкой после смерти родителей, ходил по городу и продавал папиросы.

Эта песня, благодаря своей дивной мелодии и трогательным словам, сразу стала очень популярной. Она звучала по всем радиостанциям Нью-Йорка, и её записали на тысячах пластинок.

Во время Холокоста эта песня с изменёнными словами, но с той же мелодией, приобрела другое содержание, соответствующее настроению узников гетто: „Был летний день, солнечный и ясный, в природе было столько красоты, а нас вели в гетто” (подстрочный перевод с идиш). Другая песня гетто с той же музыкой называлась „Продавщица хлеба” (Ди бройт-фаркойферин).

„Хава нагила”

„Хава нагила” – еврейская песня, написанная в 1918 году собирателем фольклора Авраамом Цви Идельсоном на старинную хасидскую мелодию. Автор музыки неизвестен, однако считается, что она была написана неизвестным клезмером из Восточной Европы не ранее середины XIX века.

Название буквально означает „Давайте радоваться”. Эта песня исполняется на праздниках и пользуется у евреев особой популярностью. Популярность песни такова, что многие считают её народной. В поп-культуре эта мелодия используется как метоним „иудей”.

Некоторые утверждают, что песня была сочинена для того, чтобы отметить вход английских войск в Иерусалим в 1917 году, из-за которого поднялась радость среди евреев (так как некоторые считали это предвестием прихода Машиаха и возврата на Святую землю).

В 1918 году эта песня в исполнении трёх

известных канторов была записана на грампластинку. Утверждается также, что это была первая запись песни на иврите в Израиле.

В течение века ритм несколько раз менялся, и современный вариант несколько отличен от оригинала.

1 марта 2013 года на экраны Нью-Йорка вышел новый документальный фильм „Хава нагила” (Hava Nagila. The Movie), снятый режиссёром Робертой Гроссман и продюсером Мартой Кауффман. Фильм рассказывает об истории песни и её разветвлённой мифологии.

„Зелёная кузина”

Авторами слов этого шлягера являются американцы Джейкоб Лейзерович и Хайман Призонт, а музыку написал Абрам Шварц. Эпитет „зелёная” здесь присутствует в смысле „юная, неопытная”. Оригинальный текст песни никак не соотносится с этим эпитетом.

Американская эмиграция евреев и связанные с ней надежды. Ни слова о войне, это было ещё до Второй мировой. В Америку приехала молоденькая, неопытная („зелёная”) кузина. Голос у неё – не говорит, а поёт, зубки – жемчужные, щёчки – два красных померанца (апельсына), а ноги просто созданы для танца. Парни смотрели на неё не дыша, но выбрала она не того кого надо, а обманщика. Тяжело работала, растеряла свою красоту. „Как живёшь, зелёная?” „Да что б такое „счастье”

История песни

было у страны Колумба!”. Об этом поётся в песне „Зелёная кузина”.

„Аудише мамэ”

Песня „Аудише мамэ” родилась в США в 1925 году. Написали её популярные американские авторы Джек Еллен (1892-1991) и Лью Поллак (1895-1946).

Поводом для написания песни стала смерть матери Джека Еллена. Первой исполнительницей песни была замечательная американская певица Софи Таккер. Именно благодаря ей песня получила колоссальную популярность и стала мировым шлягером. Софи Таккер издала также и пластинку с записью „Аудише мамэ”, причём на одной стороне пластинки песня звучала на английском языке, а на другой – на идише. Песню исполняли в своё время (называю без временной привязки) – Ефим Шифрин, Иосиф Кобзон, Пётр Лещенко, Нина Бродская, хор Турецкого, Шарль Азнавур, Ефим Александров и даже Иван Ребров...

Маран из Ленинграда

Где-то в начале 50-х годов гражданка Красная вступила в единоборство с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин об этом не знал. Гражданка была из тех русских людей, которые любили евреев, даже носатых, даже работавших в торговле, даже с дачами. Сама Красная жила в полуподвале с видом на ноги проходящих. Даже справедливое осуждение еврея – ведь случается и такое – вызывало в сердце гражданки Красной глубокое возмущение. Она считала, что после того, что произошло, судить евреев вообще нельзя. Ни за что! Они пострадали навсегда.

Генералиссимус придерживался другого мнения. Красная хотела выделить евреев в касту неприкасаемых – она плохо разбиралась в этнических проблемах индийского общества – она была паспортной – и неприкосновенные были для неё святыми. Любой еврей был для неё святой. Даже с дачей...

В последний год своей жизни генералиссимус, будучи выдающимся специалистом в национальном вопросе, задумал решить еврейский вопрос – в Сибири началось широкое строительство барачков, и не в чем стало перевозить скот – все вагоны были отобраны для транспортировки евреев, что вызвало очередную волну антисемитизма: „Опять всё евреям“, – говорила на коммунальной кухне необъятная Настя.

Коммунальные кухни великого города были недозволены евреями. Короче, генералиссимус решил уничтожить еврейский народ, паспортника – спасти...

Мне исполнилось 16 лет. Я должен был получить паспорт. Первым пунктом в паспорте была фамилия, пятым – национальность. Я был евреем. Гражданка Красная решила записать меня русским. Это был её метод. Во время блокады в разоренной квартире профессора Лурье она нашла изодранную книгу с вырванными страницами. Она читала эту книгу по ночам, и горькие слёзы лились в полуподвале – книга была про изгнание испанских евреев. Из этой книги гражданка Красная извлекла одно – чтобы спасти еврея надо было сменить религию. Стать мараном.

Паспортника Красная не могла менять религию – трудно менять то, что было отменено. Она меняла национальность и пекла „маранов“. По Куйбышевскому району Ленинграда бегало уже семь свежеспеченных маранов-евреев, записанных русским, узбеком, украинцем, казахом и даже чехословаком. Она не знала, что нет такой нации – она знала, что чехословаков сегодня не убивают... День, когда она создавала нового марана, был для неё праздником. Она надевала лучшее платье – трофейный костюмчик из Эберсвальде, оренбургский платок, янтарные бусы и душилась самым популярными в те годы духами „Красная Москва“. Когда сослуживцы интересовались, что это сегодня за праздник, она скромно отвечала: „День рождения“. Чей она не уточняла.

Ничего этого я не знал. Я шёл за паспортом, легко и беззаботно... В конторе было натоплено. Я вошёл в комнату – за столом сидела огромная женщина в оренбургском платке, с янтарным ожерельем вокруг крупной шеи, волосы её были русые, зачесанные назад, в клубок. Запах „Красной Москвы“ кружил голову. Она сурово посмотрела на меня: „Почему ты так долго не приходил за паспортом?“

– Было много уроков, – соврал я.
– Держи, – она протянула мне зелёную книжницу. Оттуда глядела моя фотография, изуродованная фотография. Но вздрогнул я не от этого – в графе национальность стояло „русский“.
– Простите, – сказал я, – я – еврей.
– Иди, иди, – подтолкнула она, – у меня много работы.
– Я еврей, – повторил я, – а здесь написано „русский“.

Всё ошиблись.

– Я лучше знаю, кто ты, – ответила она и открыла дверь, – следующий!
Я захлопнул двери:
– Исправьте, – сказал я. – Пока вы не исправите – я не иду!

Я сел. Она тоже. Мы смотрели друг на друга.
– Ну, какой ты еврей, – наконец произнесла она, – языка своего ты не знаешь, истории не знаешь, религии не нюхал – одно слово, что еврей. Вот скажи, к примеру, кто такие мараны? Не знаешь? А хочешь записаться евреем, – сказала она, – держи паспорт и давай к дому!

Я сидел, не вставая.
– Тебе хочется в Сибирь, – сказала она, – с твоими лёгкими?
– Исправьте, – повторил я, – мне надо готовить математику.
– Чтобы считать вагоны?!

– Какие вагоны? – не понял я.

– Которые вас уже ждут! Или ты о них ничего не слышал? Я слышал об этих вагонах, они должны были отвезти нас в снега, в мороз...

– Я не запишусь русским, – ответил я.
– Почему? Ты их не любишь?

– Я их люблю, – ответил я.
– Чего ж ты упрямисься?

– Я – еврей, – повторил я.
– Козёл ты, – сказала она, – не хочешь русским – могу записать татариним, грузиним. Грузины – чудесная нация, не антисемиты. Никогда не преследовали евреев.

– Запишите меня евреем, – повторил я.
Она встала.

– Разговор окончен, – она хлопнула ящиком стола, – евреем я тебя не запишу.

– Вы антисемитка? – спросил я.
Она дала мне легкую затрещину:

– Паспорт берёшь, козёл?
– Нет, – я покачал головой.

– Тогда давай его сюда, – она взяла паспорт и спрятала его в стол, – скажи, чтоб зашли родители...

...До сих пор я не понимаю, почему я хотел записаться евреем. Моим языком был русский, героями – русские Наташа, Онегин, Пугачёв, никакой другой литературы, кроме русской, я не знал. Я спорил по-русски, плакал по-русски и по-русски признавался в любви. Я любил русских девочек, русские песни и русский мат. Ничего еврейского я не знал. Я не знал ничего о красавице Эстер, о прекрасной Юдифи, я не знал, что есть герои-евреи, что были братья Маккавеи и сын звезды – Бар-Кохба, и восстановление в гетто Варшавы. Слово Иордан ничего не вызывало во мне. Мне нравилось, когда говорили, что я вылитый русский, что у меня глаза Есенина, что у меня широкая русская душа – потому что какой ширины еврейская душа я не знал. Дружил я с русскими, вместе с ними бегал по крышам, играл в деньги и был чрезвычайно горд, когда Колюня, вор районного значения, мне сказал: „Я тебе, как русскому, признаюсь – мы вчера столовку ограбили...“

Я не хотел знать, кто я! Не хотел слышать! Имя Абрам вызывало хохот, Сарра – стыд, и я гордился своим прямым носом, именем Пётр и чистым произношением буквы „р“... И хотел записаться евреем!!! Это было чистое упрямство, голое упрямство горного козла...

...Дома была мама. Она пекла пирожки с капустой. По случаю паспорта. Она пекла и что-то напевала.

– Ну, где наш новый паспорт? – спросила она.
– Я не взял его. Меня там записали русским.

– Ну и что? Это же счастье! – вскричала мама, – надо было хватать и бежать!

– Я не возьму его, – повторил я.
Моя умная мама всё поняла. Она села на табурет и положила руки на колени. Пирожки подгорали на сковороде.

– В этой стране, – сказала мама, – можно прожить без мяса, без ванны, без воздуха, но не без паспорта. Прошу тебя – не разрывай моё сердце, походи за ним.

– Нет, – ответил я, – я останусь дома, и буду есть пирожки.

– Благодарю Б-га, что тебя записали русским, – сказала она.
– Почему, мама?

– Почему? Да потому, что, если б твой папа был русским, он бы не торчал на вонючем заводе. Он бы, с его головой, был бы профессором, директором или членом-корреспондентом! Если б твой папа не был евреем, он бы был академиком, с его головой, его портрет висел бы на Невском, он бы был в энциклопедии, твой папа, с его головой.

– Я не хочу в энциклопедию, – сказал я.
– Я вижу, – сказала мама, – ты хочешь в Сибирь. Ты хочешь, чтоб тебе всю жизнь совали палки в колёса! Куда ты уедешь на таком велосипеде? Посмотри, куда приехали мы – комната у туалета, окно на свалку, папа, пропахший гидроном. Ты хочешь туда же?! Возьми Шапиро, – продолжала мама, – двое детей! Беллочка записана белорусской, Абраша – хохлом! У Рабиновичей все дети казахи. Альперовичи – латыши. Мулька Шмек, сын раввина – калмык. И все довольны, все были согласны! Почему ты упираешься?!

– Не знаю, – ответил я.
– Подумай, – сказала мама, – ты сможешь поступить в университет. На филологический. На философский. В Институт международных отношений. Будешь послом. В Индии, в Малайе. Я знаю? Станешь русским дипломатом!

– Я хочу быть дипломатом-евреем, – ответил я.
Потом пришёл папа. Он снял потёртое кожаное пальто.

– Он не хочет становиться русским, – выпалила мама. –

Еврейская майса

Ты слышишь, он хочет быть евреем.

Мороз затягивал окно. Папа курил и слушал рассказ мамы. Он улыбнулся, папа. Я тогда не понимал, чему он улыбался, мой папа, который мог быть в энциклопедии.

– Чему ты улыбаешься, хохэм? – спросила мама.
– Я делаю то, что пока не запрещено, – ответил он.

Мама махнула рукой и пошла подогревать вчерашний борщ.

– Я не настаиваю, чтобы ты записался русским, – сказал папа, – или узбеком, или калмыком. Потому что я не уверен, что если все евреи запишутся калмыками, то не начнут преследовать калмыков. Я просто размышляю. Я просто думаю, что если б твоя мама не была еврейкой, то она не преподавала бы идиотам черчение, а с её головой стала бы Софьей Ковалевской, или мадам Кюри, или Голдой Меир. Но я тебе ничего не говорю, ничего. Я тебе не говорю, что мой родной брат – армянин, а сестричка – литовка, и если б наши родители это узнали, они б умерли ещё раз.

Потом папа достал новую папиросу, долго чиркал спичкой, обжёг палец и задымил.

– Ты знаешь, почему Б-г не пустил Моисея в Кнаан? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – не знаю.

– Потому что Моисей, великий Моисей, однажды, в своей юности, не признался, что он еврей.

Вошла мама с горячей кастрюлей.

– Чему ты учишь ребёнка? – сказала она, – вечно болтаешь глупости! Ешь борщ! – Затем она повернулась ко мне, – а ты, завтра, с утра, пойдёшь и заберёшь паспорт. Я прошу тебя, будь русским, мне будет легче.

– Нет, – сказал я, – я хочу в Кнаан.

Слёзы падали из маминых глаз прямо в горячий борщ.

– Что ты молчишь, хохэм, – повторяла она папе, – что ты молчишь?..

Паспорт я получил. В пятом пункте стояло то, что хотел.

– Сходи к психиатру, – посоветовала гражданка Красная, вручая его. – Доктор Блох, тоже, кстати, азербайджанец...

Она перестала говорить с папой, считая, что во всём виноват он.

– Ему мало, что он сам еврей, – ворчала она, – такого хлопца губит...

В те дни она работала много, гражданка Красная. Она засиживалась ночами. Куда-то торопилась. Тучи сгустились над Ленинградом. Евреев вышвыривали с работы, к врачам-евреям не обращались. В школах, на переменах, евреям устраивали обломы: „Это вам за то, что вы хотели отравить Сталина“.

На нашей коммунальной кухне необъятная Настя сама повествовала о вагонах, где они стоят, какие они и как в них будут перевозить: „По двести еврейчиков на вагон, – деловито докладывала она и с аппетитом поглядывала в сторону нашей комнаты. – Диван я передвину к окну“, – мечтала она.

Люди мечтали на коммунальных кухнях великого города. В воздухе пахло весной и погромом. И пришёл день, когда гражданку Красную попросили составить списки всех евреев её микрорайона.

– Для отправки в санаторий, – уточнил майор Киселёв.

Гражданка Красная принялась за работу – она старательно печатала на высоком „Ундервуде“ имена, отчества и фамилии. И адреса. Машинка стучала, стучала. К утру списки были готовы.

– Кто бы мог подумать, что у нас столько еврейчиков? – пропел майор Киселёв.

...Первой арестовали её – гражданка Красная составила подробные списки всех стукачей, мародёров, гравивших квартиры во время войны, и просто рядовых антисемитов микрорайона. Списки были беспощадны – за единожды произнесённую безобидную „жидовскую морду“ вас уже включали в список. Её посадили в районную кутузку. Допрашивал сам майор Киселёв. Он был беспощаден – в списках он шёл пятым. Была вскрыта незаконная деятельность гражданки Красной по производству маранов. Все эти казахи, латыши и прочие были пойманы и переведены вновь в лоно иудаизма. Неизвестно, куда б сослали и саму гражданку Красную, если б внезапно не умер человек, фигурировавший в списке Красной под фамилией Джугашвили. Её выпустили и даже не выкинули из ЖАКТА, разрешив работать «без права допуска к документам, имеющим графу „национальность“». Жизнь для неё потеряла всякий смысл. Из глаз её ушёл свет, янтарные бусы валялись на подоконнике, „Красную Москву“ она отдала дворovому алкоголику Борису. Вскоре она умерла. На её похоронах были одни евреи. Они установили ей памятник. На сером камне написано: „Гражданке Красной от маранов Ленинграда“...

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация большого МетроВеста, Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.

Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.

Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.

Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.

☎ (0472) 37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.

e-mail: ineinem@mail.ru <http://hesed-dorot.ck.ua>

Отпечатано в типографии г. Черновбай. Тираж 800 экз.

Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нем приведены слова Торы.